

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОНОМАСТИКИ АНТРОПОНИМИКА

С.Н. Смольников (Вологда)

Антропонимия памятников деловой письменности Северной Руси XVI–XVII вв.: субъектные точки зрения

Антропонимия очень тесно связана с ментальностью той или иной исторической эпохи, ее формирование и функционирование во многом определяется субъективными факторами, проявляющимися в имянаречении и имятворчестве. Личное имя, возникшее в далеком прошлом, существует в пересечении различных точек зрения: отражает представления об антропониме, принадлежащие человеку, создавшему имя собственное, лицу, употребившему это имя в своей речи, тексте, а также особенности восприятия антропонимии современным человеком, обращающимся к памятникам письменности.

Антропоним не только выражает точку зрения номинатора на именуемое лицо, но и сам является объектом оценки (социокультурной, этнической, конфессиональной, эстетической и др.) со стороны носителей языка.

Идеологическая точка зрения составителя документа могла отражаться в том, что записываемые им антропонимы в разной степени соответствовали представлениям писца об имени в целом и документальном именовании в частности.

Модальная оценка *обязательности / необязательности (облигаторности / необлигаторности)* компонентов именованного в первую очередь выражалась путем включения в него слов *имя, прозвище, прозвание* и др. Вопрос о терминологическом характере последних – один из наиболее спорных в исторической антропонимике. История вопроса и рассмотрение различных точек зрения на проблему достаточно подробно представлены И.А. Королевой [1].

Нормы официального именования XVII в. требовали называть человека «по имени и по отцу», а иногда по имени, по отцу и «с прозвищи». С этих позиций как прозвища оценивались вторые (некалендарные) личные имена («Пронка, а прозвище *Шестачко* Ермолин, волнотеп» – Кн. писц. УВ 1623-26: 206); вторые календарные (некрестильные) личные имена («Сергушка а прозвище *ДорофЪико* да Бориско Павловы дЪти Слоива» – Кн. писц. Уст. у. 1623-1626: л.467об; «Ивашко *Панта*» – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 15 об. – *Панта* от *Пантелеймон*), условно данные младенцу до крещения; экспрессивно-оценочные имена, присваиваемые человеку по особенностям его внешности, характера, поведения, образа жизни и т. д., фамилии, а иногда и отчества. В именовании одного и того же лица одно и то же некалендарное имя могло занимать любую позицию: «Щипецъ Фомин» – «Ивашко Фомин Щипецъ» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л.633об.–634). Ср.: «*ГордЪико* а прозвище *Согра* Григорьев» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 605об.), «на *ГордЪя* Григорьева сына прозвищем на *Согру*» (АХУ III: 163), «на *Согру* Григорьева» (АХУ III: 202). Поэтому ученые XIX–начала XX вв., которые шли в описании ономастикона «от текста», не смогли предложить последовательной классификации некалендарных имен и прозвищ.

Исследователи, пытавшиеся разграничить старорусские некрестильные имена и прозвища по их структурным особенностям, позиции в именовании, по признаку лица, лежащему в основе антропонима, сфере функционирования (внутрисемейные – уличные), не смогли с достаточной четкостью провести границу, разделяющую личные имена и прозвища. Это объясняется, с одной стороны, недостаточной информативностью памятников деловой письменности, непоследовательностью официального именования и *синкретизмом функций* личных имен и прозвищ в старорусском документе – с другой.

Применительно к историческому материалу нет достаточных формальных оснований для противопоставления внутрисемейных и прозвищных антропонимов, имеющих абсолютную референцию, в качестве разных антропонимических ка-

тегорий. Это разновидности личных имен, различия которых связаны с внеязыковыми особенностями номинации (по А.Н. Мирославской – «первичность / вторичность») и употреблением в речи. Ср. «*Бык Михалев*» (Сотн. Белоз. у. 1544: 190), «*Ваня Бык*» (Сотн. Белоз. у. 1544: 198), «*Бычко Анюшин*» (Сотн. Белоз. у. 1544: 191).

Ретроспективная точка зрения современного исследователя на старорусские некалендарные антропонимы нередко способствует тому, что ономаст проецирует на исторический материал языковые категории своего времени. При таком подходе принципиально значимым оказывается разделение личных имен и прозвищ как различных языковых явлений. В.К. Чичагов, обратившийся к проблеме разграничения имен и прозвищ, решил ее достаточно прямолинейно: «все русские имена (за исключением, разумеется, тех, которые попали в святцы) имели в XVI–XVII вв. значение прозвищ, а все греческие имена, за исключением тех случаев, когда они шли после греческих же имён, имели значение личных имён» [2, 25–26], т.е. в такой трактовке оппозиция личных имен и прозвищ соответствует противопоставлению календарных и некалендарных имен.

При разграничении некалендарных имен и прозвищ предлагалось учитывать различные признаки. Наиболее значимым из них считалась позиция антропонима в именовании, наличие при нем слова *прозвище*, оцениваемого в качестве классификатора онима. Как справедливо отмечает И.А. Королева, «считать все нехристианские антропонимы с этим словом прозвищами в современной понимании термина, а без него стоящие на первых структурных позициях – личными именами, естественно, нельзя, хотя по такому пути идут многие исследователи» [1, 33].

В ряде случаев употребление терминов *личное имя* и *прозвище* в работах по исторической антропонимике носит условный характер, определяется не спецификой языковых фактов, а поиском удобного для исследователя способа описания материала. С.И. Зинин, одним из первых обративший

внимание на непоследовательность употребления термина «прозвище» в работах по исторической ономастике, писал: «*Чтобы избежать путаницы, <...> за термином “прозвище” закрепляется только одно значение: русское мирское личное имя. При характеристике семейных именовании этот термин всегда будет заменяться термином “прозвание” или “фамильное прозвание”*» [3, 38].

Разграничивая личные имена и прозвища, ученые-ономасты чаще всего говорят о двух группах антропонимов в старорусском языке. Первая группа – имена, данные новорожденному («первичные» имена). Они отражают признаки младенца (*Верещага, Пинай, Грязнушка* и др.), время и порядок его появления на свет (*Первой, Второй, Вешняк, Подосен, Постник, Суббота*), а также отношение родителей к дитяти (*Бажен, Нечай, Любим*). Среди таких имен достаточно частотны охранительные (апотропеические) имена, призванные защитить младенца от сглаза, порчи (*Невзор, Некрас, Неупокой, Несветай* и др.), имена иноязычного происхождения (*Мансур, Шалам, Мурат* и др.). Вторая группа – имена, полученные человеком в течение жизни дополнительно к личному имени по особенностям внешности, поведения, речи, отношению к труду и другим людям, различным социальным признакам. Именно к данной группе чаще всего применяется современный термин «прозвища».

И.А. Королева, рассматривая употребление слова *прозвище* применительно к разным компонентам старорусского именовании, на основе этого делает вывод о его терминологической многозначности, при этом свойства слова *прозвище* и свойства характеризуемых им антропонимов исследователем разграничиваются непоследовательно, что заставляет усомниться в многозначности самого слова “прозвище”: «Слово *прозвище* в XVI–XVII вв. было многозначным: 1. Оно могло уже иметь определенную экспрессию и являться добавочным выделительным индивидуальным знаком <...>. 2. Прозвище могло еще и не содержать в своем значении указания на экспрессию и добавочный индивидуально-выделительный характер антропонима, и в таком случае оно

выступало в роли обычного личного бытового имени <...> 3. Прозвище могло обозначать именование в целом <...> 4. Слово прозвище могло использоваться с самым старым значением «название», отмеченным еще в XII в.: ...деревня прозвище Берестяк. 5. И, наконец, слово *прозвище* уже могло выступать в роли семейных именовании, то есть фамилий: ...и салдаты отпускныхъ и бѣглыхъ старыхъ и даточныхъ... велель переписать имяны съ отцы и съ прозвици и пр.» [1, 33].

На наш взгляд, слово *прозвище*, включаемое в именование лица, в официально-деловой письменности XVII в. давало антропониму модальную оценку облигаторности, различало «настоящее», обязательное, требуемое официальными нормами, и ненастоящее, необязательное имя. Оно не имело строгого терминологического значения, свойственного ему в современном русском языке. При помощи слова *прозвище* в XVII в. выражалась модальная оценка именовании или одного из его компонентов: «на подворника на Нечаева на Ивашка *прозвищемъ* на Волка» (Челоб. УВ 1632; АХУ III: 121); «Меркушка а *прозвище Перша* Федоров» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 460 об.); «Сидорко Борисовъ сынъ, *прозвищемъ Пьянко*, Полутовскихъ» (Челоб. УВ 1636; АХУ III: 177), «Поспѣлко *прозвищо Шмар* Иванов Пошиваев дѣти ево Данилко да Серешка да Степанко» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 166), «Тимошка Большой да Тимошка Меньшой, а *прозвище Казак*, Дмитриевы дети, кузнецы» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 193); «Агафонко Семенов *прозвище Первушка*» (Кн. пер. Устьян. 1634–1636: л.29-29об.); «Иванко Мартемьяновъ сынъ *по прозвищу Гладышь*» (Челоб УВ 1627; АХУ III: 43); «Ивашко Ивановъ сынъ Стрѣленские волости крестьянинъ, *по прозвищу Рожинъ*» (Челоб. Уст. у. 1636; АХУ III: 183) и др.

Выражение модальной оценки антропонима связано с наличием определенных отношений между именами одного лица в пределах именовании. Модальную оценку предполагала и идентификация разных именовании одного и того же лица в официальном документе, то есть модальная оценка имени собственного имеет относительный характер. Для ее

наличия обязательно, чтобы в именовании лица присутствовало, как минимум, два антропонима, оцениваемых как правильный, соответствующий норме документального именованья, обязательный, а другой – как неправильное, ненастоящее документальное имя. Слово *прозвище* тем самым выражало отношения антропонимов в пределах именованья лица, давало модальную оценку одному из них по отношению к другому.

Вместе с тем слово *прозвище* маркировало антропоним по сфере функционирования, знаменовало его отнесенность к разговорно-бытовой речи противопоставляло имя, которым называют («прозывают») человека в быту, тому антропониму, который следует употреблять в документе.

При изучении случаев одновременного именованья сразу несколькими личными именами в ономастике принято разграничивать основные и дополнительные имена. За вторыми, как правило, закрепляется уточняющая, характеризующая функция [4, 71]. Модальная оценка обязательности (необходимости) антропонима современным исследователем не всегда соответствует распределению функций между антропонимами в реальном именовании лица в старорусском документе. «Добавочные» имена не просто помогали календарному имени идентифицировать лицо, а нередко являлись главным средством создания уникальной референции.

Дополнительность компонента именованья может трактоваться как его добавочный характер с точки зрения деривации составного именованья. В процессе создания развернутой антропонимической номинации в документе на базе употребительного в ограниченной сфере устойчивого антропонима «распространителями» мотивирующего «базиса» могут выступать и компоненты, стержневые для сочетанья антропонимов. Например, отмечены случаи, когда к идентифицирующему некалендарному имени в официальном именовании добавлялось требуемое писцовым стандартом календарное (крестильное) имя, занимающее в именовании центральное положение, но менее значимое для уникальной референции именованья. В силу этого крестильное имя не являлось ус-

тойчивым компонентом именованья: «Се яз *Онцифор Кулик* Леонтьев сын, Варзужанин, занял есми... чим яз *Кулик* сам владел... и мне *Анцифору Кулику* отцыщати; и снимки яз *Кулик* тому угодыю» (Закладн. Варз. 1547; МИКП: 28); «в. *Васюк Шкул* соловар <...> и против двора *Шкулева* берег да полянка (Сотн. Золот. 1561: 476); «в. бобыл *Ивашко* Исаков снъ *Мохнатка* да снъ ево *Мохнаткин* Демешка четырех годов» (Кн. пер. Карг. 1648: л. 5 об.).

Разграничение основных и дополнительных антропонимических элементов именованья было предложено С.И. Зининым: «Нерегулярно повторяющиеся элементы именованья можно назвать вспомогательными антропонимическими элементами» [3, 60]. Данное явление в антропонимии XVI–XVII вв. И.М. Ганжина предложила называть термином “мерцание” [5, 2]. Неустойчивость календарного имени в ряде именованья позволяет оценивать его как вспомогательное средство идентификации лица.

«Мерцание» календарного антропонима наблюдается и в случаях, когда оно употреблено в паре с некалендарным именем, сопровождаемым словом *прозвище*. После установления идентификации официального и неофициального актуальных антропонимов при повторном именовании лица при помощи одного из сопоставляемых имен модальяная и коммуникативно-функциональная оппозиция разных средств именованья часто снималась: «Маркелко Еремеев прозвище *Невежка* ...двор *Невежки* Еремеева» (Кн. пер. Устьян. 1634–1636: л. 11 об.); «в. *Ивашка* да *Пронка* прозвище *Семко* Борисовы дъти *Шашенины* а *Семко* гребенщикъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 30 об.); «в. *Маркушко* прозвище *Первушка* да *Васка* да *Логинко* да *Якушко* Григорывы дъти *Ершова* у *Первушки* сынъ *Микитка*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 31); «в. *Вованка* прозвище *Тренка* да *Ведка* *Нестеровы* у *Тренки* снъ *Омелка*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 36).

По логике С.И. Зинина, дополнительным компонентом идентификации лица следует считать и патроним, образованный от календарного имени. В XVI–XVII вв. руководства по составлению писцовых документов требова-

ли от составителей именованя человека «по отцу», поэтому нередко такие номинации создавались при написании текста и носили искусственный характер. Сопоставление именованй одного и того же лица показывает неустойчивость данного компонента даже в пределах одной статьи документа: «Дер. Кощеивская гора: в. Ондрушка *Васильев сын Рыкало* <...> За Ондреем за Рыкалом за одним половина деревни» (Сотн. А.-Сийск. м. 1578: 216); «Починок, что была пустошь Куклино, а в нем: <в.> Савко *Иванов сын Онтропова*... дан тот починок Савке *Иванову* испуста в жило на льготу на 10 лет... И Савка Онтропов двор поставил со всем, а пашни всей в трех полях против льготной не роспахал. И Савка Онтропов дан на поруку з записью... и Савке Онтропову с тово починка платить по 15 алтын на год» (Сотн. Тот. 1631: 123). Ср.: «в. Ивашко *Павлов Потапов*, рыбный прасол... лав. Ивашка *Потапова*» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 193, 217); «на крестьянь Сухонского Черного стану на Прокопя *Титова* да на Кондратя *Петрова* да на Григорья *Тимофиева Горшковых*... тоть Прокопей да Кондратей да Григорей *Горшковы*» (Челоб. Уст. у. 1627; АХУ III: 34-35). В условиях приоритета двухкомпонентной формулы «личное имя + патроним» в севернорусских писцовых книгах «мерцают» и фамилии: «в. Осипко *Сафонов*, кузнец... куз. Осипка *Сафонова Репинского*»; «в. Федка *Демидов*, торгует житом... лав. Фетки *Демидова Сцепизубова*»; «в. Васька *Васильив Жуков*, хлебник... м. онбарное посацкого человека Васки *Васильива*, хлебника» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 195, 223, 208, 215, 194, 220) и др. Мерцание патронимов и фамилий имело разные причины. Патроним мерцал потому, что являлся принадлежностью официального (приказного) языка, вносился в именование писцом, создававшим стандартную номинацию, но для социальной идентификации индивида в повседневной речи был менее значим. Фамилия, значимая для идентификации лица в контексте бытовой речи, мерцала потому, что ее включение в именование не предусматривалось писцовым стандартом.

По наблюдению И.А. Королевой, активность слова *прозвище* в русской деловой письменности заметно увеличивается в XVI–XVII в. Но это не значит, что именно в это время

активизируется модальная оценка антропонимов в именовании. Модальная оценка компонента именовании могла выражаться и другим способом – употреблением его в постпозиции. Располагая дополнительные средства идентификации в постпозиции по отношению к компонентам, обязательным для официальной речи XVII в., писец определял их как второстепенные, тем самым подчеркивая их меньшую необходимость для именовании.

Из нескольких сотен именовании во вкладной книге Великоустюжского Михаило-Архангельского монастыря 1587-1617 гг. только три включают слово *прозвище*: «дал к старому вкладу Андрей Алексеев сын *прозвище Подосен*» (Шляпин 1: 164), «старец Питирим *прозвище Попирало*» (Шляпин 1: 165), «*Фома по прозвищу Иван Дмитриев сын Ярославец*» (Шляпин 1: 159), в остальных случаях, второе личное имя такой оценке не подвергается, например, «дал вкладу с посаду Ефим *Солодовник 3 рубли денег*» (Шляпин 1: 152), «*Прокопей Некрас Григорьев сын Белоусов с Еренского*» (Шляпин 1: 154), «*Трифан Нечай Андреев сын Малахов с Уфтыюги*» (Шляпин 1: 157).

Для монастырской письменности оказывается значимым противопоставление календарных имен, данных при крещении, и календарных имен, данных в качестве прозвищ: «*Фома по прозвищу Иван Дмитриев сын Ярославец*». Не оцениваются при помощи слова *прозвище* вторые календарные имена, по звучанию напоминающие некалендарные: «*Козьма Тихон Онофреев сын Пустозер*», а также модификаты, образованные от них: «*Федул Пороша Дмитриев сын Нерадовской*» (Шляпин 1: 161), «*Василей Фомин сын Сютка из Лузския Пермьцы*» (Шляпин 1: 161). Для писцовых книг данное противопоставление менее значимо и часто проводится непоследовательно. Ср.: «Трет д. Старикова Болшова... в. Федка Микитин Слоива в. *Сергушка а прозвище Дорофъико да Бориско Павловы дъти Слоива*»; «тоъ же волости деревни Старикова Болшово крестьянинъ Федка Слоивъ»; «*Дорофъико Павлов Слоивъ*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: лл. 467об., 468об., 481об.).

Субъектная модальная оценка календарных и некалендарных антропонимов как компонентов официального именования достаточно четко прослеживается на материале сотных, писцовых и переписных книг. Это проявляется как в выборе личных имен, так и в способах включения их в именование.

В связи с особой модальной функцией слова *прозвище* в именовании лица обращает на себя внимание анализ антропонимии сотных и писцовых книг XVI в. по разным уездам Русского Севера

В сотной с писцовых книг Ф. Ф. Хидырщикова и Г. Л. Клементиева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде 1544 г. именованья, включавшие некалендарное имя, составили около 18% от общего количества мужских именованья. В большинстве случаев данные антропонимы употребляются на первом месте в антропосочетании, подобно календарным именам: «Неклюдко Селин» (Сотн. Белоз. у. 1544: 184); «Овсяник Олешков» (Сотн. Белоз. у. 1544: 184); «Ворыпайко Фомин» (Сотн. Белоз. у. 1544: 185) и др. Менее 2% именованья состоят из двух личных антропонимов: «Иванко Горбатой» (Сотн. Белоз. у. 1544: 185), «Федко Безна» (Сотн. Белоз. у. 1544: 186), «Ортемко Курмыш» (Сотн. Белоз. у. 1544: 186) и др. Именованья, включающие помимо двух личных имен патроним, либо состоящие из двух некалендарных имен или одного некалендарного имени, единичны: «Еремка Кузнец Неволин» (Сотн. Белоз. у. 1544: 185), «Ермачко Царь Федотов» (Сотн. Белоз. у. 1544: 192), «Истомка Овад» (Сотн. Белоз. у. 1544: 195), «Шевыря» (Сотн. Белоз. у. 1544: 202). Вероятно, многие случаи одновременного именования сразу двумя личными антропонимами отражают устойчивые в быту антропосочетания.

Именованья лиц с некалендарным именем на первой позиции в антропонимической формуле в данном источнике составляли 16,4% от общего количества именованья. Среди них отмечены антропонимы, обладавшие различной степенью частотности: *Базык, Бурко, Бык, Бычко, Вешняк, Вор, Ворон, Воршня, Ворыпайко, Вояско, Горяинко, Губа, Деньга,*

Друня, Дурак, Жданко, Жук (2), Злобка (5), Зуй, Зык, Истомка (21), Калемей, Кляпик, Коротыга, Кусок, Куча, Лабуня, Линька, Лихач (5), Лихачко, Ломака, Малец (4), Малыга (3), Малышка (7), Малюта, Малютка, Мижуй, Мижуйко, Мороз, Мудыга, Муравей, Невзорко (3), Неклюдо (5), Некрас, Некраско (15), Нечайко (11), Овсяник, Ожег, Опал, Первунька, Первуня, Перестона, Пожилой, Поздейко, Полетайко, Поминко, Поспелко, Прибыт, Пятко, Ребро, Розвол, Рупос (2), Рыжик, Рябинка, Селянинко, Семанко, Суета, Скрып, Сноп, Соболь, Соловей, Старко, Сурай, Суровец, Суса, Торопко (2), Третьячко (2), Угримко, Чюлок, Шадра, Шапуга, Шарап, Шемяка, Широкой, Шишка. Обращает на себя внимание тот факт, что составители книги наиболее последовательно к личным именам относили внутрисемейные антропонимы, связанные с периодом младенчества (*Истома, Некрас, Нечай, Неклюд* и др.), имена отражающие порядок рождения (*Первый, Второй, Третьяк* и др.), лидирующие в некалендарном именнике XVII века, в XVI столетии проникали в официальное именование менее активно.

Именования, в которых некалендарное имя фиксировалось после календарного, в Сотной Белозерского уезда 1544 г. составили 1,8 %: *Безна, Бык, Волк, Голобок, Горбатой, Кожевник, Кривой, Курмыш, Мышка, Постник, Пряжа, Скипа, Столб, Усач, Черный, Чир, Широкой (2)*. Сопоставление разных групп некалендарных имен в составе именовании свидетельствует о том, что для писца не существовало строгой дифференциации «имен» и «прозвищ» (на второй позиции нередко фиксировались те же антропонимы, что и на первой).

В переписной дозорной книге Вологодского уезда 1589–1590 гг. календарные и некалендарные имена не противопоставлялись писцом, оценивались с равных позиций. Рассмотрение календарных и некалендарных имен в номинациях владельцев жилых дворов, а также бывших владельцев пустых дворов и дворовых мест не дает характерных для подобного рода источников расхождений (всего в тексте отмечено 1131 именование; соотношение календарных (552) и некалендарных (221) имен в именовании владельцев жилых

дворов приблизительно равнялось 2; в именовании бывших владельцев пустых дворов и дворовых мест календарные имена употреблялись чаще в 3 раза – 267 к 89), что свидетельствует о том, что использование некалендарных имен носило произвольный характер, не зависело от формуляра документа. Слово *прозвище* для выражения оценки антропонимов в данном источнике не отмечено. Противопоставление собственно имен и имен-прозвищ для данного документа не было актуальным. Именования, включающие одно календарное личное имя, составили 72 %, именования, использующие некалендарный антропоним на первой позиции в антропонимической формуле, – 27,5 %, именования, включающие календарное и некалендарное имя, – 0,5 %.

Среди антропонимов, занимающих первую позицию в именовании, в дозорной книге Вологодского уезда последовательно фиксируются личные имена, утратившие способность к характеристике, но в момент имянаречения отражавшие отношение родителей к младенцу: *Баженко, Томилко, Жданко* и др. (54 именованья), среди них наибольшей частотностью обладали имена *Нечайко* (21 употребление) и *Истомка* (18 употреблений), особенности поведения младенца: *Безсонко, Розбуда, Рюмка, Пинайко, Кричко, Рычко, Брячко, Молчанко, Полежайко, Шумко, Неупокойко, Суровои* и др. (47 именованья), порядок рождения: *Первушка, Пятунка, Семак, Шестачко* и др. (35 именованья, из которых 18 включают имя *Третьяк* и его производные), время рождения: *Суботка* (5), *Вешнячко* (3), *Поздеико* (3), *Познячко* (3), *Посник, Налетко* и др., внешние признаки: *Беляико, Глазун, Лобанко, Ушачко* и др. (9 именованья), 10 именованья включают в свой состав имя *Русинко*. Апотропеические нехарактеризующие имена типа *Невежка, Негодяйко, Неверко, Ненашко, Дружинка, Гостюнка, Худячко, Злобка, Дурачко* и др. вошли в состав 22 именованья. Состав вологодских некалендарных антропонимов достаточно полно отражает общеизвестный и повсеместно употребительный потенциальный именник. Характерной чертой именованья жителей Вологодского уезда в дозорной книге 1590 г. является наличие апотропеических имен тюрк-

ского происхождения (*Сабурко, Салтанко, Мансурко* и др.) и этнонимических имен (*Фрязинко, Китаико*). Наряду с традиционными некалендарными личными именами, именованья крестьян в документе фиксируют и антропонимы другого типа: *Брага, Борзои, Губа, Залешенин, Заноза, Кисел, Которма, Козел, Кулик, Ломака, Шадра, Шишига* и др (19 именованний). Самое частотное некалендарное имя в указанном источнике – *Меншик / Меншичко* (24 употребления), входящее в группу имен, характеризующих лицо по положению в семье (*Малютка, Малко, Малыга*).

В числе редких именованний, включающих два личных имени, можно отметить такие случаи: «*Васка Лепня Семенов*» (Кн. доз. Волог. у. 1590: 74), «дв. пуст *Конши Волка*» (Кн. доз. Волог. у. 1590: 130), «дв. пуст *Иванка Латыша*» (Кн. доз. Волог. у. 1590: 43), «дв. пуст *Митрошки Мохнатово*» (Кн. доз. Волог. у. 1590: 120) и др. Скорее всего, данные именованья используют бытовые устойчивые антропосочетания двух имен.

Существенные отличия наблюдаются в каргопольских писцовых книгах. В сотной Турчасовского стана Каргопольского уезда 1556 г. письма Якова Ивановича Сабурова и Ивана Андреевича Кутузова приводятся именованья 1268 крестьян, из них некалендарными именами названо 110, что составляет 8,7 %. Процент некалендарных имен в данном источнике вдвое меньше соответствующего показателя по Белозерскому уезду в 1544 г. и в три раза меньше, чем в описании Вологодского уезда, которое проводилось почти полвека спустя. Очевидно, что отбор некалендарных антропонимов в каргопольских писцовых книгах производился составителями этих документов более строго.

Составители поземельного описания Турчасовского стана Каргопольского уезда 1556 г. к личным именам некалендарного происхождения относили в первую очередь имена, связанные с младенчеством и выполнявшие в именовании ребенка апотропеическую функцию (самыми активными в официальном именовании в данном источнике являются имена *Нечай / Нечайко, Некраско*), и имена, характеризовавшие

отношение родителей к младенцу (*Истомка, Жданко*). При этом в данном источнике практически полностью отсутствуют имена, связанные с порядком рождения (*Первый, Второй, Третий* и др.), между тем как по общим статистическим данным, они входили в десятку самых популярных общерусских некалендарных антропонимов. Аналогичная картина возникает при рассмотрении антропонимии Каргопольского уезда по материалам Сотной книги Каргопольского уезда 1561–1562 гг. письма Никиты Григорьевича Яхонтова. Именования «*Третьячко Жуков кожевник*» (Сотн. Карг. 1561–1564: 293) и «*Пятой Иванов сын Брянцов*» (Сотн. Карг. у. 1561–1562: 311), отмеченные в сотных с писцовых книг Никиты Григорьевича Яхонтова по посаду Каргополю и Каргопольскому уезду, выглядят на общем фоне писцового описания 1561–1562 гг. единичными исключениями. Сопоставление данных по Турчасовскому стану 1556 и 1561 гг., содержащих именованья одних и тех же лиц, не дает существенных расхождений в использовании некалендарных имен. Скорее всего, более ранняя сотная легла в основу второго документа и во многом определила характер модели именованья лица. Но так или иначе, отмеченная специфика именованья может рассматриваться и как локальная особенность официального именованья в XVI в. в каргопольских писцовых книгах.

Вместе с тем, писцовые материалы XVII в. свидетельствуют, что некалендарные имена *Первушка, Третьяк (Тренка), Вторко, Пятунка* и др. были так же популярны на территории Каргопольского уезда, как и на других территориях Русского Севера и Русского государства в целом, и Каргополье не может считаться в этом смысле исключением, но, видимо, отношение к ним делопроизводителей в XVI–XVII веках было особым.

Переписная книга Каргополя, Турчасова посада, Каргопольского и Турчасовского уездов переписи воеводы Василия Ивановича Жукова 1648 г. преследовала цель досмотра «городовым и посадским двором и во дворах всяких чинов людем, а в уѣздех погостом и дрвням, и починкам, и дворам, и во дворах всѣм людем *имяны с отцы и с прозвищы, и их*

детям, и братьям, и племянником, и подсосѣдникомъ, и захребетникомъ» (Кн. пер. Карг. 1648: 1–1 об.). В Каргополе в остроге и на посаде в переписной книге названо 1505 человек. Из них только два именованія включают слово *прозвище*. Данным словом отмечены имена: «захребетникъ Малашко *прозвищемъ Первушка* Васильев» (Кн. пер. Карг. 1648: 15), «в. Галашка *прозвищемъ Шестачко* Васильевъ» (Кн. пер. Карг. 1648: 46), что подтверждает мысль о том, что имена, связанные с обозначением лица по порядку рождения в Каргопольском уезде, всего скорее, воспринимались его жителями, а вслед за ними и московскими писцами, как прозвища. Отличительной чертой местной антропонимии является активность имени *Дружина / Дружинка*.

Таблица 1. Некалендарные имена в переписной книге Каргопольского уезда 1648 г.

	Некалендарное имя на первой позиции в именовании	Некалендарное имя на второй или третьей позиции в именовании
Процент от общего количества именованій	2,6 %	2,2 %
Имена	а) Первушка 3, Вторко 2, <i>Тренка</i> 9, б) <i>Дружинка</i> 11, в) Богдашко 2, г) Баженко 4, Жданко 3, Поспѣлко 2, Томилко, д) Завьялко, е) Рахманко (Ратманко)	а) Косой, Белоглаз, Безногой, Шарап, Шустъ, Мохнатка, Трещачей, Бурыл, Пищура, б) Заонежанин, Корелянин, Корела, Водлозерец, Москва, Вага, в) Долыня, Долон, Пахолок, Халема, Ташлыкъ, Тибасъ, Кулешъ 2, Пята, Кокова, Немчин, Бычекъ, Тчан, Ершикъ, Ряпус, Плотник, Куница, Гудок.

Данная концепция некалендарного личного имени, принятая составителями переписи, прослеживается и на материале именованных жителей Каргопольского уезда. В именованных крестьян отмечены те же самые некалендарные имена, но встречаются они гораздо реже, чем в именованных жителей посада: в. *Шестачко* Микитин (л. 65), *Тренка* Петров снь (л. 65); в *Томилко* да Илюшка Селивановы <...> в. *Томилко* Трофимов снь Торочесникъ; в. *Дружинка* Григорьевъ снь Подберезново (л. 76); в. *Дружинка* Васильевъ снь Попов (л. 85 об.); *Тренка* Павлов (л. 89); *Роспутка* Захарьин (л. 91); бобыл *Дружинка* Иванов (л. 98 об.), в. *Богдашко* Елисѣев (л. 104); в. *Дружинка* Петров сын Вешняковъ (л. 114 об.); в. *Ивашко* да *Дружинка* Даниловы (л. 116) и др.

Восприятие перечисленных некалендарных антропонимов в качестве официальных личных имен способствовало тому, что в одном ряду с патронимами, образованными от календарных имен, изредка (менее 1 % именованных) встречаются и образования от имен *Дружина*, *Третьяк*, *Бажен* и некоторых других: Бобыл Матюшка *Русинов снь* Полутина (Кн. пер. Карг. 1648: л. 9); *Ивашко Баженов снь* Савина (Кн. пер. Карг. 1648: л. 22 об.); *Фролко Богданов снь* (Кн. пер. Карг. 1648: л. 24 об.); *Гришка Третьяковъ снь* Ртищовъ, *Ондрюшка Дружинин сын* Пригодин (Кн. пер. Карг. 1648: л. 26); *Ивашко Дружининъ снь* Лупаловской (Кн. пер. Карг. 1648: л. 29 об.); захребетники *Петрушка семи годов да Еуфимко по четвертому году Путиловы дѣти* (Кн. пер. Карг. 1648: л. 45 об.); *Онтонко Третьяков сын* Мякотин (Кн. пер. Карг. 1648: л. 47); *Ивашко Первого сын* Бородулин (Кн. пер. Карг. 1648: л. 47 об.).

С другой стороны, ограничение круга некалендарных имен, используемых в официальном именовании, объясняет большую активность общерусских процессов вытеснения некалендарных имен календарными, отражающую унификацию антропонимии в языке московских приказов, на территории Каргопольского края по сравнению с другими севернорусскими территориями.

Таблица 2. Некалендарные имена и прозвища в переписной книге Турчасовского уезда 1648 г.

	НЛИ на первом месте	НЛИ на втором месте	Со словом прозвище
1003	38	7	1
100%	3,9%	0,7%	0,01%
		Брусница, Кузнецъ, Морянин, Мутовка, Поморець, Привалиха, Хромой	Балашъ

Таким образом, противопоставление календарных и некалендарных имен в переписных и писцовых книгах XVII в. так же, как и в XVI в., зависело от субъективных установок писца и отражало объективно сложившиеся традиции составления деловых актов. Для писцовых книг 1623–1626 гг. Устюга Великого и Устюжского уезда, например, более характерно использование некалендарных имен вместо календарных: *Жданко* Сидоров да сын его *Таскайко* (Кн. писц. Уст. у. 1623: л.624). В писцовой книге 1623–26 гг. только некалендарным именем жители Устюга названы 201 раз, и лишь в 7 случаях некалендарное имя противопоставлено календарному. Более регулярно фиксируются имена *Тренка* (*Третьяк*) (27), *Богдашка* (25), *Пятунка* (11), *Первушка* (8), *Шумилко* (8), *Жданко* (8), *Томилко* (6), *Девятко* (6), *Баженко* (4), *Вторышка* (4), *Безсонко* (4), *Замятенка* (4).

Сходная картина наблюдается и в писцовой книге Вологодского уезда 1627–1630 гг. Некалендарные имена фиксируются на общих основаниях с календарными антропонимами: «Д. Бекътово – а въ ней крестьянь: во дв. *Ондрюшка* Ларивоновъ съ сыномъ зъ *Замятемъ*, во дв. *Тугаринко* Ларивоновъ, во дв. Гостко Васильевъ зъ братомъ съ Осипкомъ, во дв. бобыль *Замятенка* Васильевъ» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 174). Перечень некалендарных имен в этом случае достаточно традиционен: *Первушка*, *Вторышка*, *Тренка*, *Пятун-*

ка, Шестунка, Девятко, Меншичко, Дружинка, Баженко, Завьялко, Томилко, Поспелко, Поздейко, Спешилко, Ворошилко, Пинайко, Вешнячко, Посничко, Суботка, Гуляйко, Нехорошко, Суетко, Бессонко, Корепанко и мн. др. Случаи, когда некалендарное имя приводится после календарного без указания на его «прозвищный» характер, единичны и, скорее всего, представляют собой употребительные в быту устойчивые сочетания двух имен: «Дворъ пусть *Ивашки Шевеля*, умеръ» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 36).

Слово *прозвище* в указанном источнике используется для оценки компонентов именования редко (около 30 именованных). Оценке при помощи слова «прозвище» подвергаются разные некалендарные антропонимы: *Призьшка, Бовыка, Широкой, Трубица, Озорнякъ, Копось, Морозъ, Бажень, Баженко, Безсонко, Дружинко, Корова, Копырка, Сажа, Чюлокъ, Заварза, Сосна, Ечора, Волокитка* и др. В их числе и внутрисемейные имена, которые в других именовании занимают первую позицию: «во дв. Ондрюшка Микитинъ, *прозвище Бажень*» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 61); «во дв. Еремка Афонасьевъ, *прозвище Волокитка*» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 253); «во дв. Данилко Петровъ, *прозвища Безсонко*» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 265) и др. Вместе с тем, в некоторых именовании к разряду «прозвищ» составителями писцовых книг Вологодского уезда отнесены и фамилии, а возможно, и вторые (отпрозвищные) полуотчества, отчетливо выделяющиеся на фоне некалендарных имен, занимающих первую позицию в именовании и воспринимаемых составителем документа в качестве личного имени: «Д. Тривановская на рѣчке на Крутцѣ – а въ ней крестьянь: во дв. *Бражка Ивановъ*, во дв. *Первушка Кузминъ, прозвище Варегинъ*» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 68); «во дв. Сенка Иванов *прозвище Зыковъ* <...> во дв. Олешка Ивановъ сынъ *Зыковъ*» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 207); «во дв. Гаврилко Григорьевъ, *прозвища Шанинь*» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 265).

Слово *прозвище* в документах XVII в. не указывало на разряд антропонима, и логика в его употреблении применительно к некалендарным внутрисемейным и другим антропо-

нима отсутствовала даже в пределах описания одного населенного пункта: «во дв. Власко Спиридоновъ съ сыномъ Ивашкомъ да у него жъ пасынокъ Омельянокъ Гавриловъ, прозвище Дружинко, во дв. Домошничко Ондръевъ съ сыномъ съ Рычкомъ да съ племянникомъ зъ Демкою Якимовымъ, прозвище Варака, – да бобыли: во дв. Меншичко Ондръевъ зъ дѣтми зъ Демкою да съ Ивашкомъ, во дв. Суетко Гавриловъ съ сыномъ Исачкомъ, во дв. Ермолка Вилиповъ съ сыномъ Гришкою, во дв. Пиминко Хорламовъ зъ братомъ зъ Давыдкомъ, во дв. Бориско Онтоновъ зъ братомъ съ Миткою, во дв. Митка Вилиповъ, прозвище Корова» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 263–264).

Оценка антропонима как «прозвища» в писцовых материалах Русского Севера носила субъективный характер, что подтверждается сравнением писцовых источников по одной и той же территории, составлявшихся параллельно разными писцами. Перепись Устьянских волостей 1630-х гг. осуществлялась в два приема разными составителями. В 1634–1636 г. Дмитрием Михайловичем Овцыным описаны Соденгская, Ростовская, Шангальская, Пежемская, Чадромская волости. В 1639 г. по грамоте Устюжской четверти пристав Устюжской четверти Ларион Васильев и «Устьянских волостей земские судейки Пахомко Елизаров с товарищи, Соденские волости Томилка Офонасьев с товарищи, да Ростовские волости Ярофейко Семенов с товарищи, да Чадромские волости соцкой Савка Игнатъев, да Пежемские волости выборные люди Сенька Самсонов Кубенин да Никита Тупицын» (л. Кн. пер. Устьян. 1639: л. 64) в дополнение к книге Дмитрия Михайловича Овцына описали Никольскую, Волюсную и Введенскую сошки Введенского стана и Дмитриевскую волость, крестьяне которых в 1636 г. себя «переписать не дали».

В переписных книгах Устьянских волостей 1635–1636 гг. устойчивой тенденцией является противопоставление некалендарных имен календарным, подчеркивание их прозвищного характера: Павлик Петров прозвище Четвертко; Стенка Васильев Рычко (Кн. пер. Устьян 1634–1636: лл.21, 27). Это

прослеживается на материале переписных книг Устьянских волостей 1634-36 гг. и писцовой книги 1664-65 гг.

В отличие от московских писцов, местные делопроизводители – составители переписи 1639 г. («писал Устьянские волости Веденского стану выборной земской дьячек Ондруша Лукин», Кн. пер. Устьян. 1639: л. 72 об.) не разграничивали календарные и некалендарные имена, о чем свидетельствует более активное включение в именование некалендарных имен и отсутствие случаев противопоставления их календарным: *Буторка* Феокистов (л. 66), *Рычко* Гаврилов *Костолга* (л. 66 об.), *Пятко* Григорьев, *Проудка* Савельев, *Жданко* Вавилин (л. 67), *Девятко* Григорьев (л. 67), *Рычко* Семенов (л. 68), *Подосенко* Игнатъев (л. 68) и др.

Таблица 3. Соотношение способов включения некалендарных имен в именовании жителей Устьянских волостей в переписных книгах 1634–1636 и 1639/40 гг.

Год	Волость	Названы одним некалендарным именем (%)	Названы одновременно календарным и некалендарным именем (%)
1636	Шангала	4,65%	4,65%
	Пежма	2,7%	7,5%
	Чадрома	3,8%	6,7%
	Ростовщина	8,5%	3,2%
	Соденга	12,6%	3,9%
1639/ 1640	<i>Введенский стан, Дмитриевская волость</i>	26,3%	—

Очевидно, что, говоря о вытеснении некалендарных имен календарными в официальном именовании на протяжении XVI–XVII веков, следует иметь в виду не изменение антропо-

нимической системы, а изменение отношения составителей документа к тем или иным группам антропонимов. Это отношение было различным у разных писцов, нередко оно не было стабильным даже в рамках одного писцового документа.

Так, например, в переписной книге Архангельского города, Холмогорских посадов и Двинского уезда переписи Ивана Ивановича Философова и подьячего Кузьмы Патрекеева 1646–1647 гг. наблюдается постепенное изменение стандарта записи именовании. В переписи дворов Архангельского посада обращает на себя внимание непоследовательность в использовании слова *прозвище* по отношению к разным типам антропонимов. Внутрисемейные некалендарные имена не подвергаются модальной оценке, например: «в. *Роспутка* Аристов у него снь *Дружинка* да племянники *Тренка* да *Ивашко Семеновы*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 18 об.); «дворникъ *Вторышка* Федоровъ снь *Игумновъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 18 об.). По отношению к другим некалендарным именам модальная оценка могла выражаться при помощи слова *прозвище* или только за счет порядка следования компонентов именовании: «в. Евремко вилимоновъ снь *прозвище Пуга*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 16 об.); «в. Якимко Максимовъ снь *прозвище Пороз*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 18); «в. Олешка Власов снь *Гогара*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 23); «д. Живоначалные Троицы Сергиева мнстря, а в нем дворникъ Семейка Доробъевъ снь *Кривошея*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 25 об.); в ряде случаев при описании пустых дворов воспроизводилось бытовое двухчленное именование: «д. пусть *Олверка Хромого*, а онъ живет в мнстръ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 24). Также отмечены примеры модальной оценки фамилий при помощи слова *прозвище*: «в. Гаврилко Титов снь *прозвище Чертовъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 16 об.); «в. Кирилка Миронов сынъ *прозвище Гнъвоцевъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 22 об.).

При описании Холмогорских посадов круг антропонимов, оцениваемых как прозвища, заметно упорядочивается. К данной категории имен составителями переписи последователь-

но отнесены только внутрисемейные некалендарные личные имена: «в. Овдокимко прозвище Богдашко Васильвъ сын Собакинъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 38 об.–39); «в. Степанко прозвище Томилко Ульянов сын четочникъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 40); «Евѣремко прозвище Жданко Аристархов снъ Котовикъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 41); «в. Венедитко прозвище Постничко Ивановъ сын сапожникъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 44 об.); «в. Викулко Васильевъ сын кузнецъ у него внукъ Теокистко прозвище Вторушка у него сынъ Митка прозвище Дружинка» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 34 об.); «в. Оверка прозвище Таскаико Васильевъ снъ Шихутинъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 35 об.); «в. Михъико прозвище Докучка Васильивъ снъ Шихутинъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 31); «в. Пантелъико прозвище Сутормка Петровъ у негѣ снъ Оничка прозвище Пятушка» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 32); «в. Тимошка прозвище Первушка Терентьевъ снъ Малюдкинъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 49 об.); «Васка прозвище Тренка Васильивъ снъ Сорокинъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 51 об.); «в. вдова Овросиньца Семеновская жена Федотова у ней два сна Перѣвирейко прозвище Шестачко да Тимошка» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 33); «в. Карпушка да Ѳедка прозвище Роспутка Ігнатъевы» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 37 об.); «в. Петрушка прозвище Худячко Овдокимов сынъ Горемыкинъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 43); «в. Климако прозвище Замятенка Малахиивъ сын Плотниковъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 47) и др. При этом модальная оценка некалендарных имен нередко отсутствует в именовании владельцев пустых дворов (именуемые не существуют в момент переписи, либо местонахождение их не известно): «д. Первушки Минина сна Оборы умер» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 32 об.); «д. пусть Томилка Жданова сна Бадакина умеръ; д. пусть Пятка Ульянова Четочника сшоль безвѣстно» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 35 об.). Упорядоченное применение слова прозвище к внутрисемейным некалендарным именам отразилось и в единичных случаях, когда оно противопоставляет патронимы, образованные от разных имен отца именуемого: «в. Осипко

Евсъвьвъ сынъ прозвище Баженин» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 30 об.).

Другие группы некалендарных антропонимов, в том числе и фамилии, за редкими исключениями модальной оценке при помощи слова *прозвище* не подвергаются: «...у него на подворье Мишка вѣдотовъ сынъ *Коза мясникъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 29); «Ондрюшка Исаковъ сынъ *Шулга* <...> в. Ивашко Евдокимов *Сухой*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 40 об.); «в. вѣдка Микитин сынъ *Шишъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 47–47 об.); «в. вдова Ульяница Осиповская жена Пиченосова <...> у ней же сосѣды Якушко Тимоѳѣев сынъ *Лощило* у него сын Юшко да Лукашка *прозвище Тренка* Минин сын *Коза*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 45–45 об.).

В переписной книге Белоозера 1646 г. переписи Селуяна Павлова и подьячего Григорья Белова случаев, когда некалендарное имя употреблено на первом месте в антропосочетании, не отмечено. Из 729 именованій 23 включают некалендарные имена (3,1 %), сопровождаемые словом *прозвище*. Состав имен на второй позиции достаточно произволен: *Баженко, Брех, Бритва, Галей, Грошовой, Деревянной, Долгой, Дружинка, Дуда, Дутой, Кот, Недочеха, Подщипай, Пятунка, Сава, Седун, Толмачь, Томилко, Торопка, Тренка (2), Черной, Чюхар*. Вместе с тем, почти треть (28,2 %) именованій включают слово *прозвище*, которое характеризует фамилию: «в. вдова Оленка вѣдотовская жена *прозвище Папина* с сномъ с Лучкою Неведовымъ сномъ *прозвище Папин*, а у Лучки Якушко да с племянникомъ с вадѣиком Осиповымъ сномъ *прозвище Папин*, в. Якушко Ларивонов снъ *прозвище Папин* с сном с Корнилкомъ да з братом с роднымъ вѣдкою, а у вѣдки дети Ларка да Ооска да Микитка» (Кн. пер. Белоз. 1646: л. 209 об.); «в. Онтонка Иванов снъ *прозвище Шулгинъ* с сном съ Емелкою *прозвище Тренка* да с ними живет брат родной Машка Шулгин с сном с Олешкою, д. пусть Коземки Иванова сна *прозвище Шулгина*» (Кн. пер. Белоз. 1646: лл. 213–213 об.).

Итак, использование слова *прозвище* в писцовых книгах зависело от требований, предъявляемых к именованию лица в данном типе документации, но каждый составитель документа по-своему определял круг антропонимов, к которым следует применять данную оценку. Очевидно, что принципы фиксации некалендарных имен языком деловой сферы рассматриваемого периода разработаны не были. Все отмеченные случаи носят стихийный характер, не являются закономерностью официального именовании XVI–XVII вв. Субъективный подход составителя документа к именованию проявлялся и в выборе средств номинации, в предпочтениях, отдаваемых одним именам и исключении (иногда полным) из официального именовании других.

Старорусская антропонимия официально-деловой сферы, представленная в севернорусских актах и писцовых материалах, отражает взаимодействие трех антропонимических подсистем: православного (церковного) именника, антропонимических средств приказного языка и устойчивых личных именовании, употреблявшихся в повседневно-обиходной речи. Единой концепции личного имени в деловой речи рассматриваемой эпохи не было, в разных контекстах речи восприятие и оценка антропонима варьировались. Могло существенно различаться восприятие имени писцами, делопроизводителями, церковнослужителями.

Субъектная модальная оценка компонентов именовании была различной. Наиболее ярко в именовании выражалась оценка *обязательности / необязательности* имени (основное, необходимое (имя) / дополнительное, прозвищное). Наблюдаемый в писцовой практике отбор средств антропонимической номинации отражает тот факт, что одни антропонимы воспринимались автором документа как личные имена, а другим отказывалось в статусе имени собственного.

Литература

1. Королева И.А. Происхождение фамилий и отчеств на Руси. Смоленск, 1999.
2. Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. — М., 1959.
3. Зинин С.И. Русская антропонимия XVII–XVIII в. (на материале переписных книг городов). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Ташкент, 1969.
4. Бахвалова Т.В. Семантические и функциональные особенности некалендарных имен (на материале памятников письменности Белозерья XV - XVII вв.) // Проблемы русской ономастики. Вологда, 1985. С.71-82.
5. Ганжина И.М. Тверская антропонимия XVI в. в социально-историческом и лингвистическом аспектах (на материале тверских писцовых книг). Автореф. канд. дисс. Тверь, 1992.

Сокращения

АХУ III – Акты Холмогорской и Устюжской епархий. – Ч.3. – РИБ, Т.25. – СПб, 1908.

Кн. доз. Волог. у. 1590 – Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589–1590 гг. (Подготовлена к печати Н.И. Федышиным) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972.

Кн. крестопр. УВ 1645 – Крестоприводная книга жителей Устюга и Устюжского уезда 1645 г. // РГАДА, ф. 137. Устюг Великий, № 68.

Кн. пер. Белоз. 1646 – Список с Белозерских переписных книг переписи Селуяна Павлова и подьячего Григория Белого 1646 г. // РГАДА, ф. 137. оп. 1. Галич. № 12/12. Л. 209–234.

Кн. пер. Двин. 1646 – Книги переписные Архангельского города и Холмогорских посадов и Двинского уезда переписи Ивана Ивановича Философова и подьячего Кузьмы Патрекеева 1646–1647 гг. // РГАДА, ф. 137, оп. 1., Архангельск, № 1.

Кн. пер. Карг. 1648 – Переписная книга посадских дворов города Каргополя, деревень, дворов в черных волостях Кар-

гопольского уезда переписи воеводы Василия Ивановича Жукова // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 168, лл. 1–503 об.

Кн. пер. Турч. 1648 – Переписная книга посада Турчасова и черных волостей Турчасовского уезда переписи воеводы Василия Ивановича Жукова // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 168, лл. 504–805.

Кн. пер. Устьян. 1634–1636 – «Подлинная переписная книга дворов и людей черных деревень в волостях Шангале, Соденгской, Ростовской, Чадромской, Пежемской, Чушевицкой и Никольской» переписи Дмитрия Михайловича Овцына 1635–36 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 15038. Л. 1–63.

Кн. пер. Устьян. 1639 – Переписная книга Устьянских волостей переписи пристава Устюжской четверти Лариона Васильева с земскими судейками и выборными людьми Устьянских волостей 1639/1640 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 15038. Л. 65–83.

Кн. писц. Вол. у. 1627–1630 – Писцовое описание Вологодского уезда 1630 года // Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. Вып. II. Петроград, 1918.

Кн. писц. УВ 1623–1626 – Писцовая книга Устюга Великого 1623-26 гг. // Бысть на Устюзе. Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993.

Кн. писц. Уст. у. 1623 – Писцовая книга Устюжского уезда 1623-1626 гг. // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 506, 507.

МИКП – Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII в. Л., 1930.

Сотн. Ант.-Сийск. м. – Сотные грамоты Антонию Сийскому монастырю 1578 и 1593 гг. (Подготовлены к печати А.А. Амосовым) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972.

Сотн. Белоз. у. 1544 – Сотная с писцовых книг Ф. Ф. Хидырщикова и Г. Л. Клементиева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде 1544 г. (публ. Л. С. Прокофьевой) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972. С. 184–204.

Сотн. Золот. 1561 – Отрывок сотной из писцовых книг Н.Г. Яхонтова на Никольский погост на устье реки Золотицы (публ. И.З. Либерзон) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972.

Сотн. Каргоп. 1561-1564 – Сотная из книг Н.Г. Яхонтова на город Каргополь 1561-1564 гг. // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972.

Сотн. Каргоп. у. 1561–1562 – Сотные на волости Каргопольского уезда 1561–1562 гг. (Подготовлены к печати Ю.С. Васильевым) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972.

Сотн. Тот. 1631 – Сотная выпись с Тотемских писцовых книг 1623–1625 годов // Спас на Стрелице: Исследования и материалы по истории одного северорусского православного прихода / Под. Ред. А.В. Камкина. Вологда, 2003. С. 104–134.

Шляпин 1 – Шляпин В.П. Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря. Ч. 1—2. В.Устюг, 1912–1913.